

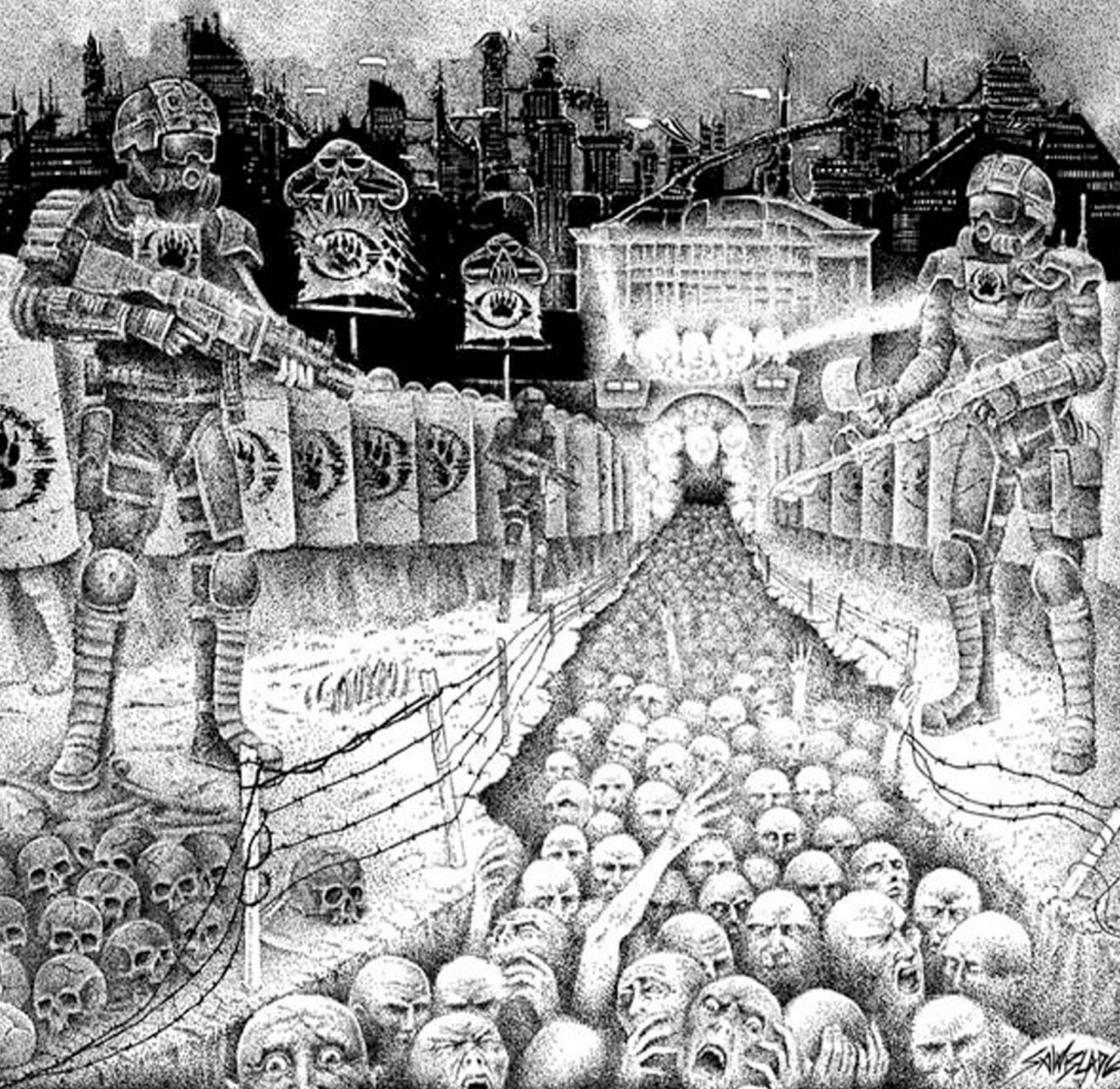
UDAR PRIMER
#5

ЛУЧШЕ СЕЗОН ДОЖДЕЙ,

ЧЕМ СЕЗОН ВОЖДЕЙ

Эфиопская народная поговорка

INTRO

Товарищ, что каждое утро в сером тумане направляется в клоаку фабрики, или в нутро офиса, чтобы узреть там те же хари: прораб, гнусный надсмотрщик, шпионящий за каждым мгновением, стахановец-с-семью-выблядками-заморышами, которых нужно кормить-поить, начальник, урод-соглядай... Ты, товарищ, чувствуешь необходимость революции, борьбы, физического столкновения, может быть, даже смертельного. Но вместе с тем ты знаешь, как нужна тебе радость, восторг, восхищение — прямо сейчас, здесь, на месте. И ты пестуешь эту радость в своих фантазиях, когда идёшь, склоня голову в тумане, или часами стоишь в электричке, в трамвае, когда задыхаешься в белом чаду офиса — во всех этих отделах и отсеках гигантского механизма капитала.

Сфабрикованная радость: выходные, праздники, ежегодные отпуска, разрешённые и оплачиваемые боссами — не что иное, как любовь за деньги. Это ли любовь, друг?

Сотни теорий, собранных под цветными обложками, брошюры, революционные издания... Ты должен делать то и это, товарищ, ви-

деть вещи так и эдак, как повелел один или другой авторитет. Вот они – учёные, писатели, мудрецы – подлинные знатоки и толкователи, люди с большой буквы, их имена – на гнетущих томах и газетных разворотах...

Сама необходимость держать эти тома под рукой, в памяти, на полке – часть общей литургии. Не знать их, говорят тебе, – ошибка, подозрительное невежество. Их следует иметь при себе, на всякий случай. Иногда, поскольку тома тяжелы, ими можно припугнуть непослушных. Это называется: здоровое, хотя и не новое, утверждение весомости революционных текстов прошлого (и настоящего).

В этих томах нет ничего, относящегося к радости. Суровость монастыря сродни той атмосфере, которая окутывает эти страницы. Их авторы – жрецы революции, проповедники мести и наказания – проводят своё время, взвешивая на весах духа порицание и воздаяние.

Более того, эти весталки – в сюртуках ли, в джинсах ли – заклинают целомудрием, чего ждут и от адептов своих. Ещё они требуют вознаграждение за свои жертвы. Сперва они отрицали комфортабельные окрестности своего классового происхождения, потом они поставили свои выдающиеся способности на службу неимущим. Они выросли и состарились, пережёвывая чужие слова и втайне страдая от одного вида грязных скатертей и неубранных

постелей. Так что теперь, товарищ, ты обязан их слушать.

Они мечтают об упорядоченных революциях, аккуратно скроенных принципах, анархии без пыли и встряски. Если же вещи складываются иначе, они принимаются выкрикивать критические лозунги, становясь достаточно шумными, чтобы быть услышанными полицией. Революционеры – благочестивый народ. Революция – нет.

Альфредо Бонанно – Вооруженная радость.

РЕЧЬ НА СУДЕ

8.08.1897 АНАРХИСТ АНДЖИОЛИЛЛО МИКЕЛЕ,
УБИЛ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИСПАНИИ КАНОВАСА

«Господа! - говорил Анжиолилло, - Вы видите перед собой не убийцу, а исполнителя казни.

Долгие годы я следил за событиями в Европе. Я изучал положение Испании и других стран, которые ее окружают: Португалия, Франция, Италия, Швейцария, Бельгия, Англия.

Мои занятия и мои симпатии постоянно меня приводили в соприкосновение с простым рабочим человеком. Всюду я встречал одни и те же революционные настроения и надежды.

Повсюду также я убеждался в черствости сердец богатых и у власти стоящих людей и в их презрении к людям. И в тоже время я узнал, что в Испании, этой классической стране инквизиции, еще не умерли инквизиторы. Я узнал, что людей, заключенных в тюрьме, отныне получившей печальную известность, подвергнуты были истязаниям. Я узнал, что против них были употреблены всевозможные средневековые пытки и, кроме того, то, что дала новейшая наука. Я узнал, что пятеро из них были убиты, что 70 других осуждены на ужасные наказания, а те, невиновность которых была доказана, были изгнаны из отечества.

Тогда, господа, я сказал себе, что такие ужасы не должны оставаться без возмездия. Я стал искать тех, кто ответственен за них. Из-за жандармов, испол-

няющих роль палачей, офицеров, исполняющих роль судей, и всех тех, кто исполняет чужие приказания, я увидел того, кто их дает.

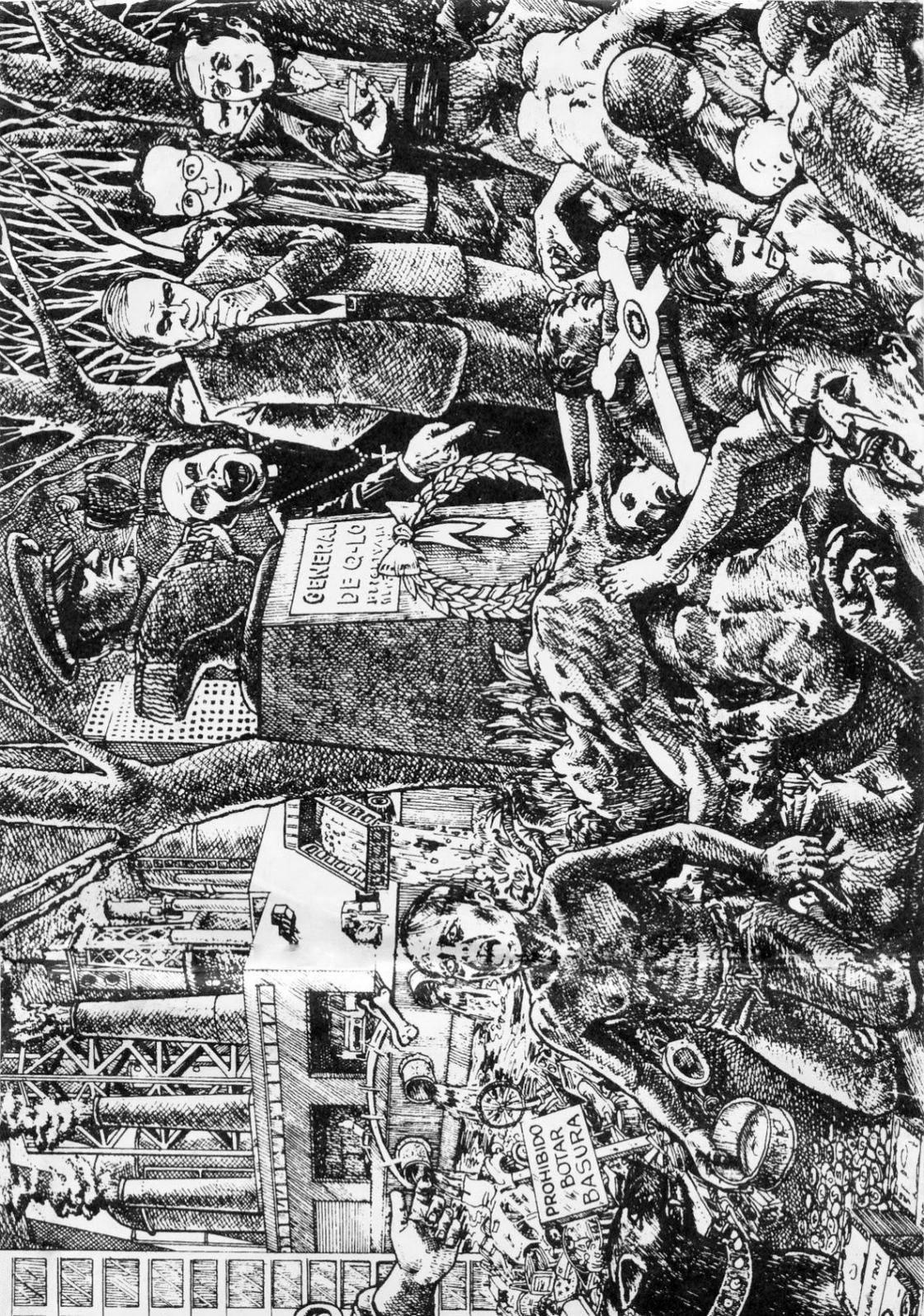
В глубине своего сердца я почувствовал необоримое чувство ненависти против государственного деятеля, управляющего посредством террора и пыток, против министра, посылающего на бойню тысячи и тысячи солдат и разоряющего поборами и налогами народ, который мог быть счастливым в своей чудной, богатой и плодотворной стране, против этого наследника Калигул и Неронов, преемника Торквемады, последователя Стамбулова и Абдул-Гамида, против этого чудовища Кановаса, и я счастлив и горжусь тем, что избавил от него землю.

Разве дурно убить кровожадного тигра, который когтями разрывает груди и своими челюстями отрывает головы людей? Разве преступление раздавить ядовитую гадину?

Если принять в соображение совершенные зверства, моя жертва была хуже сотен тигров и ядовитых гадин. В ней было олицетворено все самое позорное, что заключается в религиозном изуверстве, незаконности суда, тирании власти и алчности владеющих классов.

Я избавил от этого чудовища Испанию, Европу, весь мир. Вот почему я - не убийца, а исполнитель казни».

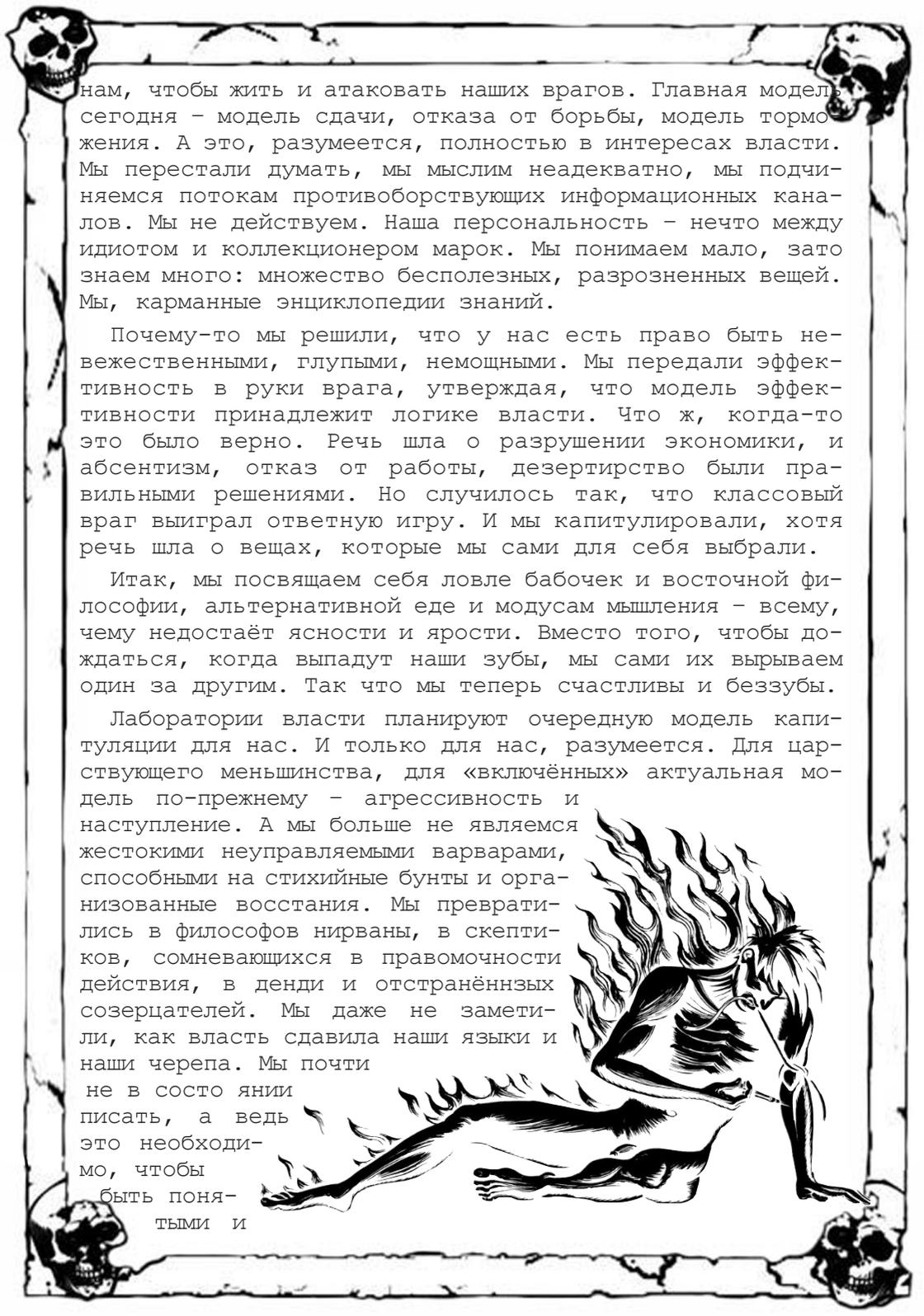
ТИРАНИЯ СЛАБОСТИ

Сегодня мы сталкиваемся со слабостью повсюду. Мы слабы, или ведём себя так, словно мы слабы - из страха показаться чем-то иным.

Уже немодно быть уверенным в себе или обладать знанием о себе, как, впрочем, и о других - или о чём-либо вообще. Это кажется устаревшим, а то и попросту дурным вкусом. Мы больше не стараемся делать вещи хорошо - я имею в виду те вещи, которые мы сами выбрали для себя и которые, как нам кажется, мы должны сделать. Вопреки всякой логике, мы делаем их плохо, кое-как, не обращая внимания на детали. И мы не то чтобы похвально нашей слабостью, но пользуемся её как неким экраном, за которым можно спрятаться.

Так мы стали рабами этого нового, быстро распространяющегося мифа. И мы вовсе не хотим говорить здесь о «силе», которая никогда не была ничем иным, кроме замаскированной слабости. Скорее, мы хотим осветить нынешнюю ситуацию. Преобладающий момент в ней - сглаживание ценностей, а также искажение тех инструментов, которые необходимы

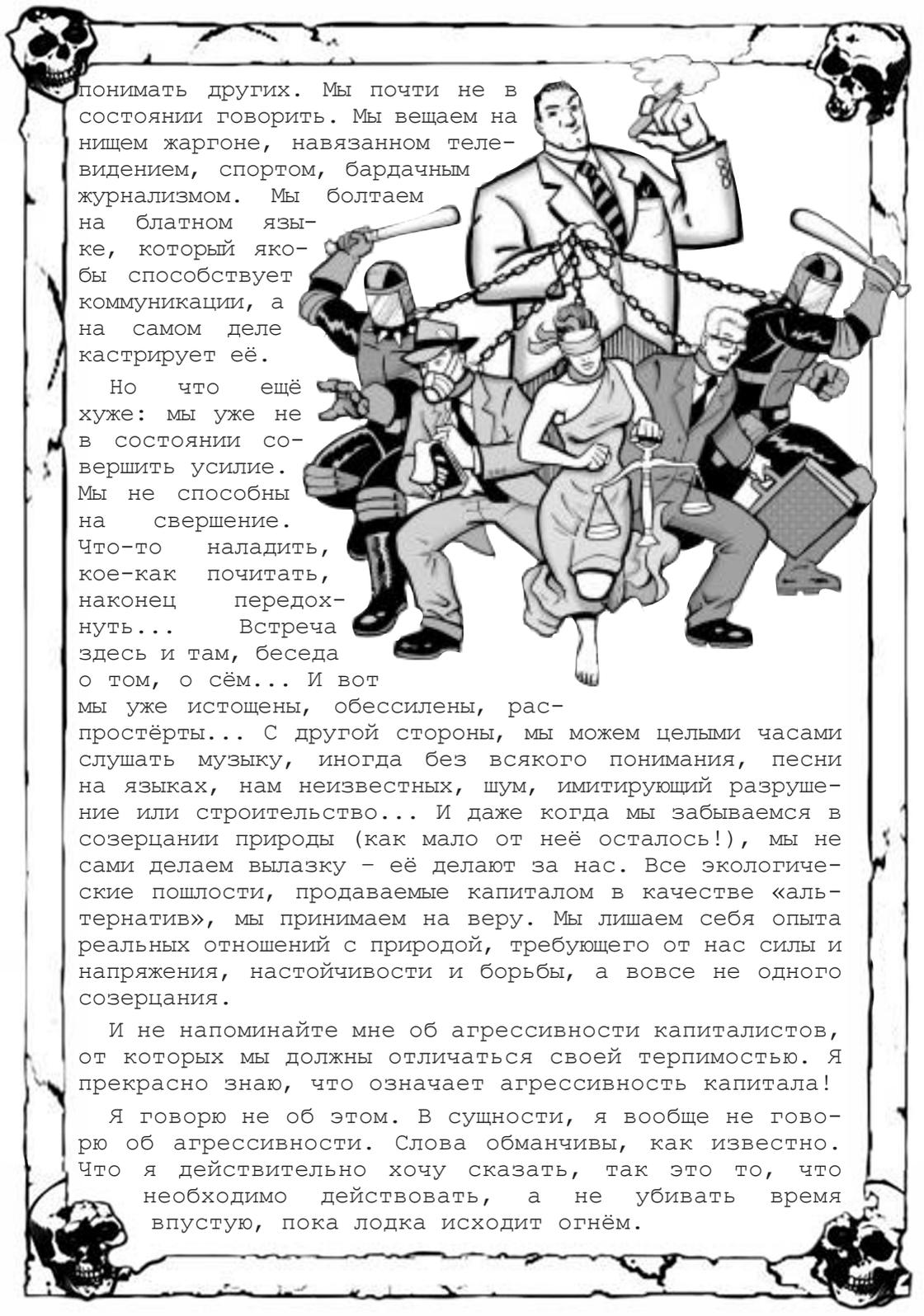
нам, чтобы жить и атаковать наших врагов. Главная модель сегодня – модель сдачи, отказа от борьбы, модель торможения. А это, разумеется, полностью в интересах власти. Мы перестали думать, мы мыслим неадекватно, мы подчиняемся потокам противоборствующих информационных каналов. Мы не действуем. Наша персональность – нечто между идиотом и коллекционером марок. Мы понимаем мало, зато знаем много: множество бесполезных, разрозненных вещей. Мы, карманные энциклопедии знаний.

Почему-то мы решили, что у нас есть право быть невежественными, глупыми, немощными. Мы передали эффективность в руки врага, утверждая, что модель эффективности принадлежит логике власти. Что ж, когда-то это было верно. Речь шла о разрушении экономики, и абсентизм, отказ от работы, дезертирство были правильными решениями. Но случилось так, что классовый враг выиграл ответную игру. И мы капитулировали, хотя речь шла о вещах, которые мы сами для себя выбрали.

Итак, мы посвящаем себя ловле бабочек и восточной философии, альтернативной еде и модусам мышления – всему, чему недостаёт ясности и ярости. Вместо того, чтобы дожидаться, когда выпадут наши зубы, мы сами их вырываем один за другим. Так что мы теперь счастливы и беззубы.

Лаборатории власти планируют очередную модель капитуляции для нас. И только для нас, разумеется. Для царствующего меньшинства, для «включённых» актуальная модель по-прежнему – агрессивность и наступление. А мы больше не являемся жестокими неуправляемыми варварами, способными на стихийные бунты и организованные восстания. Мы превратились в философов нирваны, в скептиков, сомневающих в правомочности действия, в денди и отстранённых созерцателей. Мы даже не заметили, как власть сдавила наши языки и наши черепа. Мы почти не в состо янии писать, а ведь это необходимо, чтобы быть поня-
тыми и

понимать других. Мы почти не в состоянии говорить. Мы вещаем на нищем жаргоне, навязанном телевидением, спортом, бардачным журнализмом. Мы болтаем на блатном языке, который якобы способствует коммуникации, а на самом деле кастрирует её.

Но что ещё хуже: мы уже не в состоянии совершить усилие. Мы не способны на свершение.

Что-то наладить, кое-как почитать, наконец передохнуть... Встреча здесь и там, беседа о том, о сём... И вот мы уже истощены, обессилены, распротёрты... С другой стороны, мы можем целыми часами слушать музыку, иногда без всякого понимания, песни на языках, нам неизвестных, шум, имитирующий разрушение или строительство... И даже когда мы забываемся в созерцании природы (как мало от неё осталось!), мы не сами делаем вылазку – её делают за нас. Все экологические пошлости, продаваемые капиталом в качестве «альтернатив», мы принимаем на веру. Мы лишаем себя опыта реальных отношений с природой, требующего от нас силы и напряжения, настойчивости и борьбы, а вовсе не одного созерцания.

И не напоминайте мне об агрессивности капиталистов, от которых мы должны отличаться своей терпимостью. Я прекрасно знаю, что означает агрессивность капитала!

Я говорю не об этом. В сущности, я вообще не говорю об агрессивности. Слова обманчивы, как известно. Что я действительно хочу сказать, так это то, что необходимо действовать, а не убивать время впустую, пока лодка исходит огнём.

Либо мы понимаем, что капитал захватывает всё вокруг, либо нет. Капитал и власть трансформируются, и эта трансформация перевернёт наши жизни вверх дном. Если мы не понимаем этого, что ж – нам остаётся ловить бабочек в наших грёзах, изучать дзэн-буддизм, гомеопатию, эскапистскую литературу, спорт или что там ещё, – вплоть до уютного отчуждения от самих себя, а заодно от грамматики и языка.

Но если мы понимаем перемены, происходящие в мире, если мы осознаём, как развивается проект капитала, как он намерен окончательно превратить нас в рабов, если мы постигаем культуру рабства, которая лишает нас самой возможности видеть и ненавидеть наши цепи, – тогда мы не можем уже мириться с пустой терпимостью и отказом от борьбы. И не нужно думать, что эти слова касаются только тех, кто позабыл о своём бунте и мирно пасётся сейчас среди зелёных, оранжевых и прочих стад. Мы говорим здесь и о тех товарищах, которые полагают, что они всё ещё революционеры, а на самом деле переживают драму прогрессирующего умственного загрязнения – день за днём.

Это, впрочем, не простой призыв к действию. Кладбища завалены такими призывами. Нет, мы говорим здесь о проекте, тщательно разработанном в лабораториях капитала и ныне пущенном в ход. Этот проект нацелен на постепенное и безболезненное уничтожение нашей способности к борьбе.

Развёртывание этого проекта идёт рука об руку с глубоким реструктурированием капитала. Мы не призываем здесь к волонтаризму и не заламываем в отчаянии руки. Мы полагаем, что эти строки – скромный вклад в понимание серьёзных перемен, которые происходят вокруг нас.

Альфредо Бонанно.

ЧТО ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

1 ЧТО ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

2 ЧТО ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

ТОТ КТО КЛАДЕТ НА МЕНЯ РУКУ ТИРАН И УЗУРПАТОР

3 ЧТО ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

4 ЧТО ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

Я ОБЪЯВЛЯЮ ЕГО МОИМ ВРАГОМ ПРАВИТЕЛЬСТВО - ЭТО РАБСТВО.

5 ЧТО ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

6 ЧТО ТАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

ЗАКОНЫ - ПАУТИНА ДЛЯ БОГАТЫХ И ЦЕПИ ИЗ СТАЛИ ДЛЯ БЕДНЫХ.

«...ИЗ ЛАП МЕРТВЕЦА»

«Чужая свобода увеличивает мою свободу до бесконечности».

М. Бакунин.

Вожди пролетариата, государственный социализм, трудовые рекорды и лозунги – фетиши которые завещала нам отжившая свой век эпоха. Эпоха загубленной революции, эпоха за которой пришли годы бесправия под маской демократических свобод.

Сегодня, когда мы стоим у порога жесточайших военных и политических войн, когда классовое братство подменили взаимной ненавистью, все мы должны стряхнуть с себя гипнотическую пелену чиновничьих речей, должны разогнать политический туман, что путает наши мысли, не давая здраво оценить наше «сегодня», должны посвятить себя будущему.

Былые победы и громкие речи спешно прячут в сундуки с крепкими замками и клеймом: «Преступное прошлое», историю пытаются сочинить заново, все начинания губят в голословных заявлениях чиновники и мнимые эксперты душат человеческую личность, указывая каждому на его место, заручившись поддержкой власти. Для нас же власть – насилие. И нам должно быть все равно под короной императора, кепкой вождя или в петле галстука сидит эта власть. Насилие всегда будет оставаться насилием.

Ключи от «демократического рая» сегодня в руках исчерпавшей себя политической силы и мы, не взирая ни на какие окопы, должны вырвать из лап мертвеца свободу творчества, свободу личности, свободу человечества.

Иван Величко.

«Устремив все свое внимание на парламенты, министров и королей, мы даже не замечаем той громадной работы, которая совершается ежедневно повсюду свободными группами людей, — работы, которая именно и составляет заслугу нашего века.

Вот почему мы стараемся отметить хоть некоторые из наиболее ярких проявлений этой созидательной работы и показать, что без всяких правительств люди отлично умеют — если только их интересы не совершенно противоположны — приходиться к соглашению для совместного действия, даже в очень сложных вопросах».

РАФАЭЛЬ ВАРРЕТТ

Рафаэль
ВАРРЕТТ
его жизнь
и деятельность

Движение, к Америке, к новому свету, было и остается движением постоянным и непрерывным, которое началось уже много лет тому назад, которое продолжается теперь и будет продолжаться еще много лет. Бедняки прибывают с надеждой найти лучшие условия работы и жизни; богачи в поисках лучших прибылей и удобств; анархисты с целью мочь жить свободно, писатели чтобы найти новые типы для своих писаний.

Большие океанские пароходы спускали и продолжали спускать ежедневно тысячи этих мечтателей, которые вступив на американскую землю, скоро убеждались, что все тут - старо в этом «новом свете». Плохое, от которого они хотели бежать их настигло и здесь, ибо оно прибыло сюда вместе с Колумбом и первыми испанцами. И вместо свободы и справедливости, демократии и лучших условий труда о которых они мечтали, встречали рабство, эксплуатацию и тиранию не менее постыдные, чем в Европе.

Среди этих пилигримов, которые прибывали в Америку, находились также элементы которые оставляли после себя нечто неизгладимое, вечное: свой талант, свои знания и даже свою жизнь. Малатеста, Гори, Прат, и другие оставили за свое короткое пребывание в Аргентине их идеи - создав анархическое движение этих времен.

Такой же пилигрим, неизвестный в Европе и менее популярный в здешнем революционном движении, но который помимо своей прекрасной и несравнимой деятельности, оставил еще и свое здоровье и свою жизнь в этих странах, был поэт, писатель и философ, анархист Рафаэль Барретт.

Рамарио де Маэтзу описывал, что в 1900 году появился в Мадрид представительный молодой человек, из знатной семьи и с деньгами. Вначале был хорошо принят среди аристократии, но через некоторое время остался без звонкой монеты, и, так как среди аристократии нет места беднякам, начали стараться выжить его из своей среды.

Благодаря гипокритству этого класса людей, никто не осмелился сказать, что ему уже нечего делать в этой среде, и старались сделать это окольными путями, третируя его дегенератом и одержимым противоестественными пороками. Оскорбленный этой клеветой, Барретт подверг себя медицинскому освидетельствованию и со свидетельством врача начал реабилитироваться и искать виновников этой клеветы, и в один прекрасный день, в театре, хлыстом отстегал одного видного аристократа.

Этот инцидент и поступок Барретта сделали то, что его деклафицировали и заставили покинуть Испанию, потому что там, где хрюкают свиньи, нет места песням соловья.

Высадившись в Буэнос-Айресе, без друзей и знакомых, Барретт давал уроки по математике и музыке, и жил в нищете. В 1901 году он переехал в Парагвай, где написал лучшие свои произведения: «Парагвайское горе» и «Кто такие – жербали», (работающие на сборке «жербы», – травы которую употребляют в южной Америке, как чай).

Первое произведение составлено из лекций читанных Барреттом парагвайским рабочим и полны глубоких человеческих чувств, безграничной и великой любви, надежд и оптимизма.

«Любите – говорил в одной из них Барретт – и земля станет безграничной. Не смотря на горе и несправедливость, жизнь – прекрасна. Под слоем зла лежит добро. Спасем же этот мир, даже если он сам не желает этого». Такую доброту души и такую любовь можно найти только у Тостого. Барретт же любил и своих врагов, тех которые желали ему смерти.

Так, например, во время военного восстания 2-5 июля 1903 года, Барретт видя, как раненные оставались на произвол судьбы, движимый чувством добра, рисковал жизнью, подбирая их под градом пуль по всем улицам и закоулкам. Что они были военные, – его злейшие враги, это его не волновало. Он любил человека как такового, и всякому человеку, даже врагу, старался делать добро, особенно если тот был в опасности или нужде.

Как писатель, Барретт, может быть сравнен с лучшими представителями мировой литературы. Он был газетный писатель, ибо он знал, что эти листки доходят до самых темных уголков, попадают и в семьи самые невежественные, доходят до людей самых отсталых.

Это и были те, кто больше всего интересовали Барретта — бедные, жертвы современного общества, те, кто все производят и всего лишены, те, кто всю жизнь трудились и ничего не имел.

Лучшее доказательство его литературной ценности описания «Как живут жербали», статьи печатавшиеся в «Газете» и изданные потом отдельной книгой под тем же названием.

С этих страниц проглядывается историческая трагедия народа, который был уничтожен, особенно в мужской своей части, загнан в нищету и горе людьми той же расы. Читая эти страницы, видишь нечто более ужасное, более преступное, более подлое, чем убийства и жестокость палачей и привилегированных преступников. Видишь человеческий ад, созданный жадностью капиталистов под прикрытием правительства на жербовых плантациях, где существует рабство такое же или даже более ужасное чем то, которое существовало при Фараонах. Из крови и слез, из вырванного мяса, из этого ужасного «мяса, которое потеет золотом», построены монументы богатств этих великих бандитов, которые эксплуатируют «жербали» в Парагвае.

Барретт так мастерски обрисовал жизнь, страдания и муки этих рабов, что оно вызвало возмущение во всем народе, и даже некоторые депутаты заявили, что поднимут об этом вопрос в парламенте.

Но Барретт был не только писателем. Он был также анархист и борец. Видя несправедливость и злоупотребления властителей в Парагвае и, желая создать движение против их коварных деяний, он организовал вместе с товарищем Г. Берто газету «Жерминаль», первый номер которого появился в августе 1908 года. На страницах этого издания, Барретт показал себя и свой оптимизм сильнее всего, без боязни и колебания, он, словом, бичевал зло и насилие. В этот период, когда свирепствовала диктатура военщины, когда мертвая тишина была навязана народу террором военных сатрапов и когда самая темная реакция царила в стране, единственный сильный голос, был голос Барретта.

«Так как я не имею собаки, буду говорить сам», заявил он в статье озаглавленной: «Под террором».

В своем памфлете «Мой анархизм», Барретт писал: «Мы должны уничтожить дух авторитета и престижа законов. Дураки думают, что анархия это беспорядок, что без правительства, общество придет в состояние хаоса. Они не замечают что порядок, о котором они говорят, создан с помощью оружия и террора». Но в Парагвае в это время не было места для таких людей как Барретт.

Высланный в Октябре 1908 года, он пишет «Дом чахоточных», произведение не менее сильное, чем другие.

После долгих скитаний из Парагвая в Испанию, а от туда во Францию, Барретт, сломленный болезнью (туберкулезом), умер 14 декабря 1909 года.

И хотя Барретт умер, его деятельность жива. Он оставил несравнимые и прекрасные страницы своих произведений, в которых и сейчас можно черпать бодрость и силы, которые могут показать, каким должно сделать мир, чтобы жизнь для всех была радостной и довольственной. Барретт умер, но он сам может служить для нас маяком в борьбе за лучшее будущее - за жизнь и Анархию.

Данев .

Л. Тихомиров

ГДЕ ЛУЧШЕ

(1875 год).

...НА ВОСТОКЕ

Пошел Демьян, третий брат, на Восток; несколько времени ходил он по деревням, да не понравилось ему деревенская жизнь, не захотел он с крестьянами поселиться, и пришел, наконец, в город. Видит: город большой, дома в нем каменные, двухэтажные, трехэтажные, улицы вымощены, фонарями освещены; лавки на каждом шагу, и лавки богатейшие; тут и золото, и серебро, и шелка, и бархат... Просто все глаза проглядишь, а все не насмотришься! На улицах да на площадях стоят статуи чугунные, а по улицам ездят дорогие экипажи на тысячных заводских конях и ходят разодетые баре.

Обрадовался наш Демьян. «Вот, думает, где заживем, посреди этакого богатства: рай, а не житье!». Подходит он к одному барину и спрашивает:

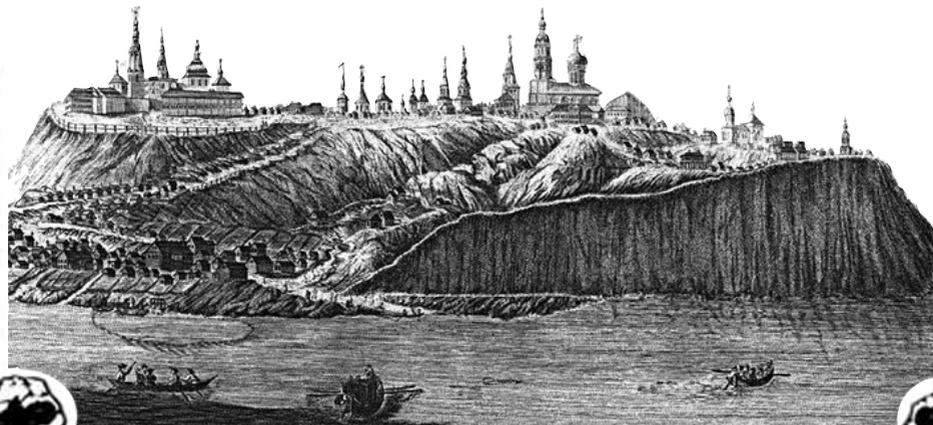
– Скажи, барин, что мне делать, чтобы жить в богатстве?».

– Работай старательно! – отвечает барин.

«Ладно, думает Демьян, работать нам, не привыкать стать». – И начал он работать. Нанялся у одного хозяина; работать изо всей мочи старательно; и понятлив был Демьян, надо правду сказать: что ни увидит, сейчас переймет. Даже хозяин диву дался: «Вот, говорит, сколько лет на свете живу, а такого работника не видывал. Ей Богу!». – Только приходит время к расчету, и получает наш Демьян грош медный денег.

– Что ж так мало? – спрашивает.

– Будет с тебя – отвечает ему хозяин. Показал ему и счет: столько то, мол, тебе платы следует, а столько

то с тебя штрафа, да в лавке хозяйской забрать на столько то, да то, да другое, да третье, и остается за всеми вычетами – грош!

Взял Демьян этот грош, обругал хозяина, и ушел с завода. «Не хочешь, говорит, у Ирода этакого работать!». Поступил он к другому хозяину. Стал он еще пуще прежнего работать. Не нахвалится хозяин Демьяном; но как дело дошло до расчета, обсчитал его опять до последней копейки. – «Что это за диво?» – думает Демьян. Пошел он к третьему хозяину – опять тоже самое... И таким манером обошел Демьян мало не весь город, работал все время, что лошадь добрая, и заработал три рубля денег! Чудеса, да и только.

И видит Демьян, что он не один так мается. Везде, на всех фабриках и заводах одинакова доля рабочих. Трудишься как вол, живи как собака – всем такая доля!

«Будь он проклят этот город!» – подумал он и пошел в другой город. Приходит, видит: город тоже хороший. Начал он работать, работал, работал, а толку нет: нет денег, хоть что хочешь: словно будто закон такой положен, чтобы не быть денег у рабочего. Ушел Демьян в третий город...

Много он этак мест выходил, много работал, многим ремеслам выучился, а денег не нажил ни копейки. «Откуда ж, думаете, берутся богатые люди? Откуда они наживают свои капиталы, земли, фабрики, дома? неужели больше моего работали, или они может их нажили не трудом, а как-нибудь иначе?» – Приходит он к одному богатому человеку и спрашивает:

– Скажи мне, богатый человек, откуда ты свое богатство нажил?

– Да сапожным мастерством занимался. Сперва один работал, ну так тогда жил безбедно, только и богатства не было. А потом стал нанимать подмастерьев: сперва двух, потом больше и больше, до 50 человек дошел. Тогда дела шибко пошли...

– Да почему же они тогда только и шли, когда ты подмастерьев нанял?

– Чудной ты человек. Известно подмастерье тебе вырабатает на 500 рублей в год, а ты ему заплатишь, может, только 150, либо 200. А если он вырабатает на 1000, заплатишь ему 300, либо 400 рублей. А остальное

хозяину, тебе же идет.
Понимаешь? У меня, например, ма-
стерская давала 30 тысяч рублей,
а платит я своим рабочим только
тысяч 10. Вот, стало быть, и
имел 20 тысяч чистого доходу.

— Так, говорит Демьян, те-
перь понимаю. Стало быть,
богатство вот откуда идет:
100 человек работает, а один
у них отбирает все, что они
выработали. Это хорошо.

Много богатых так рас-
спрашивал Демьян и увидел,
что все они наживались не-
правдою, грабежом бедных людей.

А у помещиков их богатства появились еще
более несправедливо. Демьян спрашивал об этом знающих
людей и знающие люди рассказали ему:

«Было время давнее, когда не было на Руси помещиков,
а были вольные крестьяне, и вся земля принадлежала им.
Не было в то время еще и царей...

Потом нагрянули на Русь татары, покорили ее и по-
ставили над ней своего наместника, Великого Князя Мо-
сковского. И стал с тех пор великий князь московский
царем русским.

Было у этого царя войско, дружина; и назывались эти
воины дворянами. Царь разослал этих дворян по дерев-
ням, как теперь солдат посылают на постой. Крестьяне
должны были содержать их, давать им жилище, пищу и оде-
жду; но дворяне в то время еще не имели никакой власти
над мужиками и вся земля, принадлежала крестьянам.

Потом цари московские подарили дворянам эти кре-
стьянские земли, чтоб приобрести дворянскую любовь.
А потом случилось однажды, что царь Федор Иванович
умер без наследников. Одни его боярин, Борис Году-
нов, вздумал сделаться царем, а чтобы дворяне дали ему
поддержку в этом деле, начал угождать им и прикрепить
крестьян, ввел крепостное право. Таким образом, кре-
стьяне вольные сделались рабами. Помещики заставили
их работать на себя. Отнимали у них все выработанное,
и богатели с каждым днем. Вот откуда идет богатство

дворянское: добыто оно тяжелым трудом их рабов — мужиков. Теперь крестьян снова освободили; но земля их все-таки осталась за помещиками.

Идет этак Демьян и все расспрашивает. И доходит он, наконец, до двери одной. С мужиков о ту пору подати собирали. Денег у мужиков не было. Ну, известно, начальство сейчас же стало скотину да всякое имущество продавать... Обидно показалось это мужикам, — не дадут они своей скотины, уже даже за вилы взялись.

— Что это? Бунт?! Кричит становой.

— Не бунт, а скотины не дадим. Погоди, пока справимся; тогда сами отдадим деньги.

Видит начальство, дело дрянь, и стали они усовещивать крестьян. Позвали и попа, чтобы он тоже, значит, уговаривал.

— Православные христиане, говорит поп, а сам глаза к небу воротит, грех великий бунтовать и не повиноваться начальству!..

А Демьян его спрашивает:

— А не грех обирать неимущих людей? С какой стати с них сдирают эти подати? Знаешь, батюшка, и с вола только одну шкуру сдирают, а с мужика по семи шкур дерут. Это не грех, по-твоему?

Поп опять глаза к небу, гривой своей помахал, да и говорит: «О ты, грешник нераскаянный! Не ведаешь ты,

неразумный, что сказано в святом писании: «воздайте убо Кесарево Кесареви». Деньги от царя отпускаются; стало быть, мужик все деньги, какие у него есть, должен опять царю отдавать».

– А что ж ты, батюшка, своих то денег царю не отдашь? Ведь и у тебя чай деньги царские?

Смешался поп, покраснел и не знает, что сказать. А Демьян говорит опять:

– Нешто мужику царские деньги за даром достаются? Он трудится, хлеб растит, а потом этот хлеб продается. Вот как ему деньги достаются. Кабы царь ему даром деньги присылал, ну, тогда точно царские бы деньги были...

Молчит поп, бороду свою поглаживает, а сказать против Демьяна ничего не может.

– Ловко, говорят мужики, ловко попа отделал! – А становой сейчас кричать:

– Ах ты, бунтовщик, ты как смеешь грубить духовному лицу? Ты знаешь, его посвящали, святым елеем мазали, а ты ему грубишь!

– Да по мне, говорит Демьян, хоть бы его деттем вымазали, не то, что елеем.

– Взять его, шельму! – крикнул становой. Сотские бросились к Демьяну: он бежать – так его сотские и не догнали.

КАК ДОЛЖЕН ЧЕЛОВЕК В НАШЕ ВРЕМЯ
ОТНОСИТЬСЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ?

Я ОТВЕЧУ: ОН НЕ МОЖЕТ СВЯЗАТЬСЯ С НИМ,
НЕ ЗАПЯТНАВ СЕБЯ ПОЗОРОМ. У МЕНЯ В ГОЛОВЕ
НЕ УМЕЩАЕТСЯ, ЧТО ТАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ КАК МОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО,
ЯВЛЯЕТСЯ ТАКЖЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РАБОВ.

Г. Д. ТОРО.

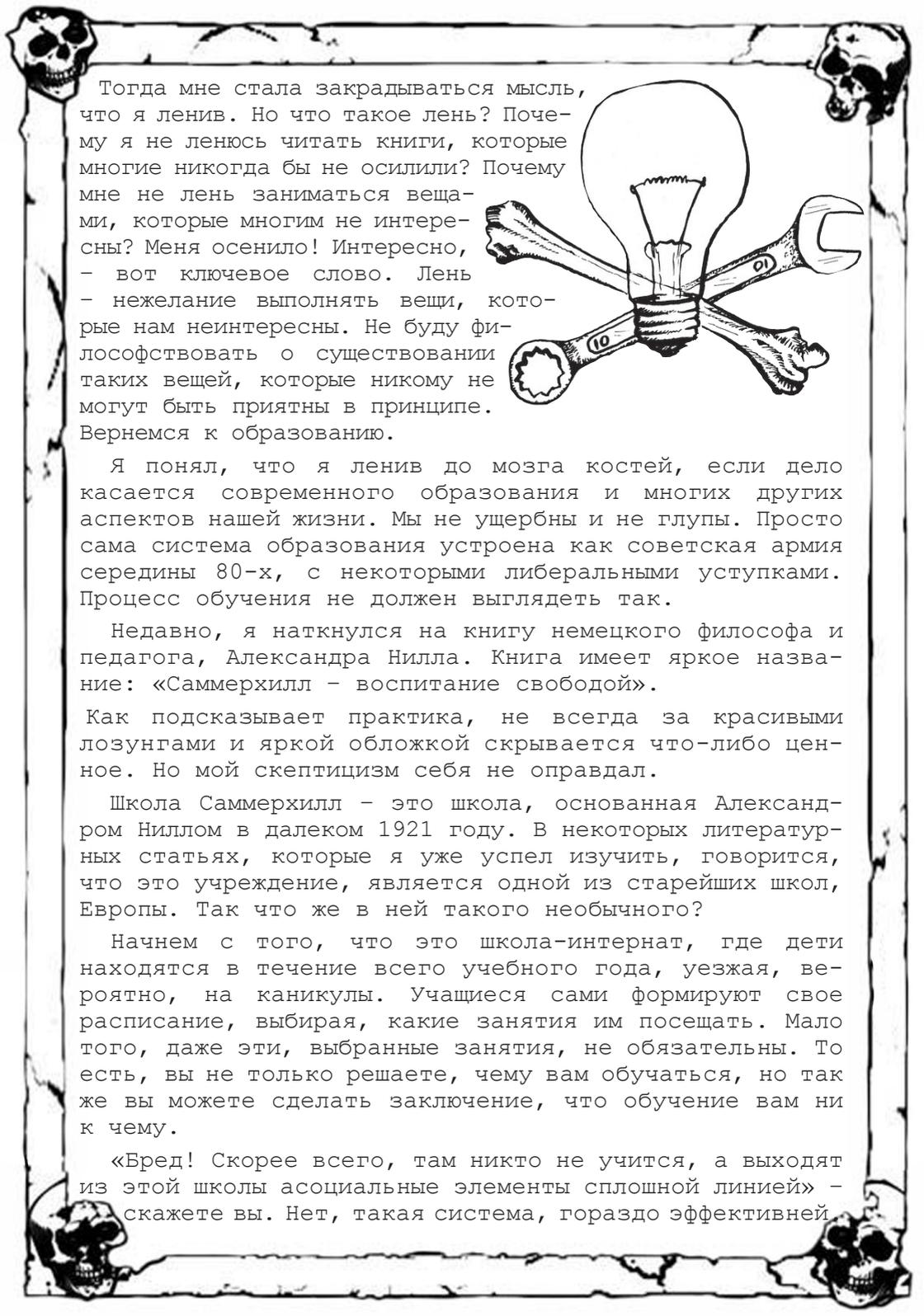

ВОСПИТАНИЕ СВОБОДОЙ

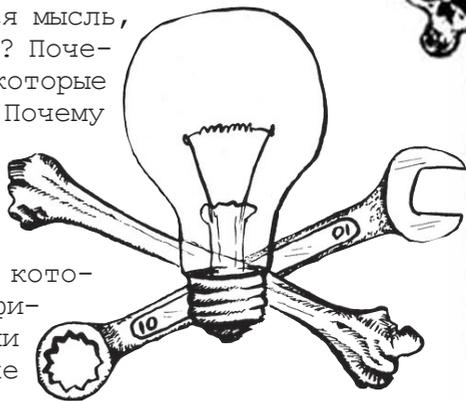
Не так уж и давно я закончил школу. Закончил, кстати, не очень хорошо, но все экзамены сдал и ладно. Покидая заведение сие, я думал: «Никогда мне больше сюда вернуться не захочется». Захотелось. К самому учебному процессу я всегда испытывал крайнее отвращение. Так почему же захотелось вернуться? Это было забавно, в каких-то моментах даже экстремально весело.

Поступая в университет, я думал: «Вот теперь-то все будет замечательно. Здесь я поступаю на специализированный факультет, тут меня будут окружать люди со схожими взглядами и интересами». Я снова ошибся. Меня окружили люди, которые косят от армии, поступили просто «потому, что так принято», люди, с которыми я не имею ничего общего. Есть, конечно, и те, кто мне симпатичен и интересен, с ними я постоянно общаюсь. Но сам учебный процесс, снова, построен так, что посещать занятия патологически не хочется.

Тогда мне стала закрадываться мысль, что я ленив. Но что такое лень? Почему я не ленюсь читать книги, которые многие никогда бы не осилили? Почему мне не лень заниматься вещами, которые многим не интересны? Меня осенило! Интересно, – вот ключевое слово. Ленив – нежелание выполнять вещи, которые нам неинтересны. Не буду философствовать о существовании таких вещей, которые никому не могут быть приятны в принципе. Вернемся к образованию.

Я понял, что я ленив до мозга костей, если дело касается современного образования и многих других аспектов нашей жизни. Мы не ущербны и не глупы. Просто сама система образования устроена как советская армия середины 80-х, с некоторыми либеральными уступками. Процесс обучения не должен выглядеть так.

Недавно, я наткнулся на книгу немецкого философа и педагога, Александра Нилла. Книга имеет яркое название: «Саммерхилл – воспитание свободой».

Как подсказывает практика, не всегда за красивыми лозунгами и яркой обложкой скрывается что-либо ценное. Но мой скептицизм себя не оправдал.

Школа Саммерхилл – это школа, основанная Александром Ниллом в далеком 1921 году. В некоторых литературных статьях, которые я уже успел изучить, говорится, что это учреждение, является одной из старейших школ, Европы. Так что же в ней такого необычного?

Начнем с того, что это школа-интернат, где дети находятся в течение всего учебного года, уезжая, вероятно, на каникулы. Учащиеся сами формируют свое расписание, выбирая, какие занятия им посещать. Мало того, даже эти, выбранные занятия, не обязательны. То есть, вы не только решаете, чему вам обучаться, но так же вы можете сделать заключение, что обучение вам ни к чему.

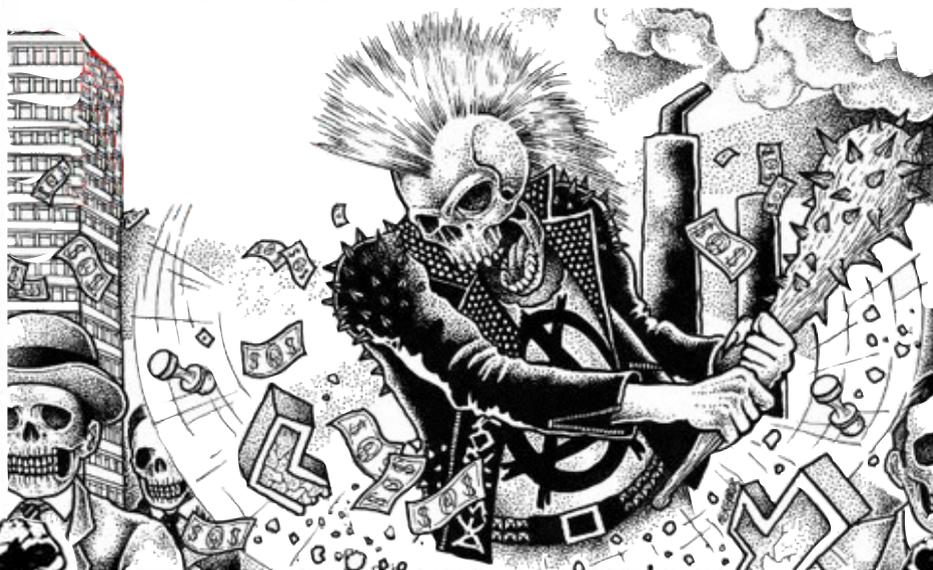
«Бред! Скорее всего, там никто не учится, а выходят из этой школы асоциальные элементы сплошной линией» – скажете вы. Нет, такая система, гораздо эффективней

Наша лень, это не прихоть. Если можно так выразиться это заболевание. Вы смогли бы вечно вести праздничный образ жизни? Ни у кого, никогда это не выходило. Вам рано или поздно захочется заняться чем-либо, узнать что-нибудь новое.

Таким образом, дети, отказавшиеся посещать занятия, исцеляются от «нежелания учиться» в ближайшие два-три месяца, не более. «Я предпочту, чтобы школы выпускали счастливых дворников, чем невротиков-ученых» – писал А. Нилл в своей книге, с опиской, что за все время своего существования школа не выпустила ни одного дворника.

Все решения принимают так же, сами школьники, на общих собраниях, голосованием. В школе существует более двухсот законов, которые приняли так же учащиеся. Что интересно, время отбоя, например, так же установлено законодательно. Отсюда следует вывод, что дети способны принимать собственные, конструктивные решения, если дать им возможность развиваться, избавиться от комплексов, приобретенных в нашем, «взрослом» мире.

Закончить хотелось бы потрясающей цитатой из указанной книги: «Никто не является настолько мудрым, чтобы формировать характер хотя бы одного ребёнка. Что не так в нашем больном, нервном мире, так это то, что всех нас сформировали. А поколению взрослых, которое видело две мировые войны и, кажется, вот-вот ввяжется в третью, нельзя доверять формировать характер даже у крысы».

От ответственной работы, требующей от нас упорных усилий в наших анархических рядах, многие товарищи бежали раньше, бегут и теперь. Благодаря этому явлению мы богаты случайным элементом. Это способствовало и способствует росту и развитию дезорганизованности... Это явление мешало нам, анархистам, всегда и теперь в особенности дает себя чувствовать. Оно мешает нам создать мощную организацию, которая бы привела наше движение к своим позициям в данной революции. Ибо эта организация только и может вовремя прислушиваться к стону революции. Будь у нас организация, анархисты услышали бы этот зов, и отозвалась бы на него вовремя, организовано, со своей помощью.

Н. И. МАХНО.

ВСЕОБЩАЯ ОРГАНИЗОВАННОСТЬ

Весь современный опыт теоретического и практического анархизма, так или иначе, упирается в две проблемы: организации и дезорганизованность. Проблемы не взаимоисключающие и даже не идущие бок обок – это проблемы, вытекающие друг из друга. В последние двадцать лет, почти все анархические организации на территории России или прекратили свое существование, или пережили раскол (некоторые даже не один), подорвавший репутацию и работоспособность каждой.

На лицо кризис, кризис к которому нас привела дезорганизованность. Из-за этого мы всякий раз растрчиваем свой потенциал впустую, даем погибнуть интереснейшим идеям и замыслам, и все только потому, что мы, приверженцы анархизма, не можем взять себя в руки.

Этот кризис преодолеть не только можно, но и необходимо. Вполне вероятно, что в теории найдется масса вариантов, как это сделать, но остановиться хотелось бы на одном, довольно масштабном, если не сказать: глобальном.

Обратимся к истории: русская революция так внезапно, но столь долгожданно грянувшая в 1917 году, могла стать матерью анархического общества, а территории свергнутой империи, его колыбелью. Но эту великую возможность миру подарили не те, кто обратился к анархии или социализму, незадолго до самой революции, а те, кто посвятил себя не только политической борьбе, но и борьбе социальной. Те, кто в свое время смог принять сложное решение и отправиться, как тогда говорили: в народ. Те самые люди, кто бросив большие города, в которых и без того созревали плоды будущей революции, отправился в глубинку, чтобы в качестве учителей обучать детей и взрослое население страны, прогрессивной мысли. Этот путь был долог и дал, свои плоды, лишь спустя десятилетия, когда выросло не одно поколение, воспитанные учителями обладавшими способностью мыслить свободно и независимо.

Сегодня, когда мы так и не смогли избавиться от междоусобной войны в своих рядах, нам нужно начать сначала и годы, потраченные на обучение людей, которым пред-

стоит построить новое общество, будут потраченными не зря, в отличие от тех десятилетий, что мы уже упустили. Народники в свое время оказались одной из наиболее сильных и движимых частей будущей революции и как они смогли обратить свой взор на русскую глубинку, так обязаны поступить и мы. Политическая борьба в наших столицах, обращена лишь на громкие имена и голословные обещания, тогда как борьба должна идти не за одного человека в галстукe, а за каждого рабочего, фельдшера, продавца, учителя – вот кто поможет нам действительно поменять социальную и политическую обстановку, вот за кого надо бороться и кому надо донести нашу идею безвластного общества. Если мы упустим эту инициативу, то есть большая вероятность, что нишу займут противоборствующие нам силы, как то: националисты и прочие правые, чьи идеи бесчеловечны, но которыми очень легко занять умы даже самых неискушенных в политике людей.

Имеющийся опыт прошлых лет и тот, который накапливает сегодняшняя молодежь и представители интеллигенции (учителя, врачи...), устраивая конференции о важных проблемах и делах, в читальных залах библиотек, выпуская информационные листки с ненавязчивой, но грамотной пропагандой идеей анархизма, помогая организовывать забастовки даже на самых маленьких предприятиях в своих населенных пунктах, надо безоговорочно использовать. Все это говорит о готовности людей и их желанию поменять сложившиеся устои, им нужен только стимул, стимул которым должны явиться мы сами. Мы должны научить людей понимать наши идеи, понимать, что такое анархия. Ведь только из общего понимания всех приверженцев идеи анархизма и целей их достижения, мы сможем создать действительно мощную и дееспособную организацию, которая будет крепка не только фактом большого количества состоящих в ней людей, но знанием и наличием опоры, возведенной внутри страны. Не имея поддержки из глубинки, столичные марши и демонстрации любой политической силы, навсегда будут оставаться лишь карнавальными шествиями. Объединенные же в мощную организацию, мы получим не только простор мысли, но и простор действия.

Выводы и мораль заключены в том, что:

1) Сегодня организации, зачастую обращены не к народу, а к собственной важности, на фоне подобных им.

И до тех пор, пока мы будем делить между собой

пальмы первенства, до тех пор пока мы не помиримся друг с другом и сами с собой, мы не сможем доказать жизнеспособность анархизма обществу. В среде восхваляющей свободу и взаимопомощь мы сами обязаны воссоздать дружественную обстановку и от соперничества организаций должны перейти к сотрудничеству и федерализму.

2) Силами существующих ныне союзов, а также индивидуальных анархистов: необходимо обеспечить общество знаниями – прежде всего знаниями, потому, что только они обратят внимание людей к построению новой социальной модели общности, а не стикеры на заборах и светофорных столбах.

Святослав Лозница.

Удар примером

КОНТ-
информируй
и распро-
страняй

UDAR PRIMEROM

#5

